

Глава II

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

(1883—1895 гг.)

1. ПУТЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА К МАРКСИЗМУ

Марксизм как идейное течение русской революционной мысли появился в 1883 г., когда была образована первая русская марксистская организация — группа «Освобождение труда».

Основателем и идейным вдохновителем этой группы был Георгий Валентинович Плеханов¹. До основания группы

¹ Вопрос о том, как Плеханов стал марксистом, выходит за пределы личной биографии Плеханова — организатора первой русской марксистской группы и выдающегося теоретика марксизма. Этому вопросу касались почти все, кто писал о роли Плеханова в развитии передовой мысли и революционного движения в России.

На эту тему имеется ряд специальных работ: Л. Дейч. Как Г. В. Плеханов стал марксистом («Пролетарская революция», 1922, № 7); В. Кирпотин. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму («Проблемы марксизма», 1931, № 5—6); Н. Е. Кокушев. Эволюция общественно-политических взглядов Г. В. Плеханова от народничества к марксизму (Кандидатская диссертация. М., 1955. Не опубликована); И. Б. Миндлин. Переход Г. В. Плеханова от народничества к марксизму («Вопросы истории», 1956, № 12). Определенное место этому вопросу уделила В. А. Фомина в своей книге «Философские взгляды Г. В. Плеханова» (М., 1955), а также М. И. Сидоров в книге «Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли» (М., 1957).

Имеющиеся в литературе суждения о пути Плеханова к марксизму различны. Одни (М. Н. Покровский, В. И. Невский и др.), идеализируя взгляды Плеханова-народника, считали их уже почти марксистскими. Другие, подчеркивая ортодоксальный характер его народнических взглядов, утверждали даже, что он стоял на позициях субъективной социологии и

Г. В. Плеханов играл выдающуюся роль в революционно-народническом движении. Видными деятелями народничества были и другие участники группы — П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и В. Н. Игнатов.

Естественно, что их переход к марксизму представляет особый интерес, так как в нем отражена вся сложность и вся трудность этого исторического перехода. Особенно показателен в этом отношении путь от утопии к науке Г. В. Плеханова — первого выдающегося пропагандиста марксизма в России.

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября 1856 г. в с. Гудаловке Липецкого у. Тамбовской губ. в семье мелкопоместного дворянина. Мать Георгия Валентиновича — Мария Федоровна Плеханова была племянницей великого русского критика В. Г. Белинского. Она воспитывала сына в духе прогрессивных идей своего времени.

Еще в гимназии, в среде своих близких товарищей, Плеханов проникся идеями русской революционно-демократической литературы. Его юношеские годы проходили под сильным влиянием Белинского и Некрасова.

Весной 1873 г. Плеханов окончил военную гимназию и в августе поступил в петербургское Константиновское юнкерское училище. Но вскоре юношеское стремление стать военным уступило место интересу к естественным наукам, которым он решил посвятить себя целиком. Плеханов ушел из юнкерского училища и, блестяще выдержав экзамены по физике и математике, поступил в Горный институт. Здесь он весь ушел в работу подпольных студенческих кружков. В течение первого года пребывания в Горном институте сложились его идейные взгляды как революционера-народника.

В истории «действенного народничества»² это было время перехода от первого этапа движения, «хождения в народ», ко второму этапу — землевольческому. На студенческих сходках,

позитивизма и считали первопричиной его перехода к марксизму ознакомление в эмиграции с марксистской литературой. Здесь путь Плеханова к марксизму представляется чисто книжным. В противовес этим суждениям И. Б. Миндлин придает значение тому обстоятельству, что Плеханов на своем пути к марксизму «прошел школу революционно-демократического мышления» (см. «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 5). Но эту школу прошли все участники революционно-демократического движения той эпохи, а марксистами стали лишь одиночки. Утверждение И. Б. Миндлина, что путь Плеханова к марксизму был предопределен исключительно сильным влиянием на него Н. Г. Чернышевского, требует более веских доказательств.

При анализе развития взглядов Плеханова к марксизму следует учесть его собственные высказывания по этому поводу, а также его литературные произведения народнического периода.

Как увидит читатель, Плеханов пришел к марксизму под воздействием ряда одновременно действовавших факторов.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 490.

вспоминает Плеханов, взволнованно обсуждались «занимавшие молодые умы вопросы о «знании и революции», «хождении в народ», пропаганде, агитации и т. п.»³.

К этому времени относится знакомство Плеханова с А. Д. Михайловым и другими деятелями революционного народничества. Как видно из «Воспоминаний о А. Д. Михайлове», написанных Плехановым в 1882 г. по свежим следам пройденного им народнического этапа развития, Плеханов, как и его товарищи, все эти годы был всецело поглощен вопросами, которые выдвигала перед ним практика революционного движения. Ответ на эти вопросы он, по свидетельству многих своих современников, пытался найти в трудах Чернышевского, Добролюбова, Лаврова, Писарева, Флеровского, Лассала, Бокля, Милля, Луи Блана⁴.

Произведения этих политических деятелей и ученых, далеко не одинаковых по своему мировоззрению, составляли обычный круг литературы русского революционера 70-х годов. Но из перечисленных авторов самое сильное воздействие оказал на Плеханова Чернышевский. «Мое собственное умственное развитие,— пишет он,— совершилось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни...»⁵. Ранее Плеханов замечает: «в течение долгого времени русская читающая публика левого лагеря придавала огромнейшее значение политико-экономическим трудам Чернышевского, мало задумываясь, а лучше сказать, совсем не задумываясь о его философских взглядах»⁶. Это ценное наблюдение в известной мере относится и к его автору: Плеханов в начале своего революционного пути далеко еще не усвоил всего идейного богатства Чернышевского, как и многие другие его товарищи по «Земле и воле», вместе с ним воспринявшие прежде всего утопический социализм великого революционного демократа, столь ярко проявившийся в народнических произведениях Плеханова 1877—1879 гг. Более глубокое понимание

³ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 153.

⁴ См. Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии, вып. 1. «Новая Москва», 1922, стр. 12; Р. М. Плеханова. Наша жизнь до эмиграции. Сб. «Группа «Освобождение труда»». (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). М.—Л. 1928, стр. 65—119. О петербургском периоде жизни и деятельности Г. В. Плеханова см. труды самого Плеханова. Кроме его публицистических произведений этого периода, важны «Воспоминания о А. Д. Михайлове» (Соч., т. I, стр. 153—167) и «Русский рабочий в революционном движении» (Соч., т. III, стр. 121—205). См. также воспоминания О. В. Аптекмана, П. Б. Аксельрода, Л. Г. Дейча, Р. М. Плехановой, В. Фигнер, М. Фроленко.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, М., б. г., стр. 382 («Чернышевский в Сибири»).

⁶ Там же, стр. 381.

им Чернышевского пришло позднее, когда он начал преодолевать свои народнические заблуждения. Но и в народнический период деятельности Плеханова его роднит с Чернышевским серьезное отношение к вопросам теории.

Уже тогда Плеханов был знаком также с некоторыми произведениями К. Маркса. Обширные знания и глубина мысли гениального ученого, железная логика его выводов не раз заставляли задуматься молодого народника, жадно искавшего правильной революционной теории. Но это не мешало ему оставаться правоверным народником. Надо сказать, что идейные взгляды народнической молодежи в 70-х годах представляли собой эклектическую смесь, в которой переплетались и уживались различные теоретические построения. Это как нельзя лучше выражают следующие строки из письма Плеханова к Лаврову: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях»⁷. Это было написано 31 октября 1881 г. Впоследствии, обозревая процесс зарождения марксизма в России и свою собственную идейную эволюцию, Плеханов больше не упоминал о влиянии на него Лаврова. Но, несомненно, в ранний период формирования своих народнических взглядов Плеханов не прошел мимо «Исторических писем» Миртова с их основной идеей «о долге образованных классов народу». Анализ работ Плеханова той поры вместе с тем показывает, что субъективно-социологическая концепция Лаврова его почти не пленила.

Как и большинство народников 70-х годов, Плеханов разделял бакунинские взгляды на задачи русского революционного движения. Но эти взгляды, по его признанию, сказались на нем своеобразно. Он принимал не только бунтарскую тактику Бакунина, но и его «заигрывание» с идеей исторического материализма об определяющем значении экономического фактора в общественном развитии. Эту идею Бакунин извращал, пытаясь ею оправдать свою теорию «экономической революции». Но Плеханову это дало, по его словам, толчок к изучению подлинных взглядов Маркса на ход развития человеческого общества⁸.

Вскоре после поступления в Горный институт Плеханов познакомился с I томом «Капитала» в кружке революционера

⁷ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 206.

⁸ См. Г. В. Плеханов. Предисловие к первому тому первого изд. собр. соч. (Соч., т. I, М.—Пг., б. г., стр. 19—20); О социальной демократии в России (Соч., т. IX, М., б. г., стр. 5—29); Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России» (Соч., т. XXIV, М.—Л., 1927, стр. 91, 92); Первые шаги социал-демократического движения в России (там же, стр. 176).

И. Ф. Фесенко, где изучалась политическая экономия⁹. В это время ему была уже известна деятельность Маркса как руководителя I Интернационала. В 1875—1876 гг. Плеханов и другие пропагандисты уже рассказывали участникам рабочих кружков о Международном обществе рабочих¹⁰.

Плеханов был одним из инициаторов созданной в 1876 г. тайной революционной организации «Земля и воля». Самый молодой среди ее деятелей, редактор ее газеты, талантливый организатор и пропагандист, он выделялся не только своей эрудицией и гибким умом, но и пламенной, блестящей речью, за которую был прозван «оратором»¹¹.

В Петербурге на Казанской площади 6 декабря 1876 г. состоялась первая в России революционная демонстрация интеллигенции и рабочих, на которой Плеханов выступил с горячей речью, прозвучавшей как протест всей передовой общественности против травли царским правительством Н. Г. Чернышевского и его последователей, как защита народа против угнетателей.

Преследуемый царской полицией, Плеханов весной 1877 г. уехал за границу, посетил Берлин и Париж и познакомился там с П. Л. Лавровым и П. Н. Ткачевым. Вернувшись летом того же года в Петербург, он снова целиком ушел в практическую революционную работу.

В июне 1877 г. Плеханова исключили из Горного института. В конце июля того же года он уехал в Саратов, где повел революционную пропаганду среди учащейся молодежи и рабочих. «Рабочие, — пишет О. В. Аптекман, — были прямо в восхищении от него, высоко ценили, гордились им»¹². Его попытка устроиться учителем в Аткарском у. Саратовской губ. потерпела неудачу, и осенью 1877 г. Плеханов возвратился в Петербург и снова начал активно выступать на народнических собраниях и сходках в защиту народников-бакунистов. Вместе с тем он возобновил пропаганду среди петербургских рабочих¹³.

⁹ О лекции И. Ф. Фесенко по политической экономии в рабочих кружках Плеханов пишет: «Этот, к сожалению, слишком рано умерший человек, хорошо знал выбранный им предмет и умел излагать его общедоступно и увлекательно» (Соч., т. III, М., б. г., стр. 140—141).

¹⁰ См. там же, стр. 141.

¹¹ См. О. В. Аптекуман. Общество «Земля и воля» 70-х гг., стр. 218.

¹² Там же, стр. 219.

¹³ В Петербург Плеханов приезжал, чтобы отпечатать в Землеволецкой типографии написанную им ранее листовку «Славному войску казачьему, Донскому, Уральскому, Кубанскому, Терскому и пр. и пр.». Он предполагал вернуться на Дон, распространять эту листовку и агитировать за «бунт». Но вернуться туда он не мог вследствие арестов революционеров в Ростове и других местах Донской области. См. его предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 97—99).

Зимой того же года мы видим Плеханова в рядах студенческой демонстрации Петербурга, от участников которой был подан написанный им на имя министра юстиции Палена протест против жестоких репрессий правительства. Летом 1878 г. Плеханов отправился на Дон, где в то время происходили волнения казаков по поводу введения у них земства. Его попытки вызвать широкое движение донского казачества не увенчались успехом, и осенью он опять вернулся в Петербург и восстановил свои связи с рабочими¹⁴.

Пропаганда среди петербургских рабочих занимала важное место в революционной деятельности Плеханова. Он начал ее вести, видимо, в конце 1875 г. Зимой 1876 г. у него на квартире происходила сходка рабочих. «Впечатление, произведенное ими на меня, было потрясающее, — писал впоследствии Плеханов об этой памятной встрече с петербургскими рабочими, — ... все эти люди, самым несомненным образом принадлежавшие к «народу», были сравнительно очень развитыми людьми, с которыми я мог говорить так же просто и, следовательно, так же искренно, как со своими знакомыми студентами. Дело сближения с народом, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мне теперь простым и легким. Не откладывая его в долгий ящик, я решил немедленно же и как можно ближе сойтись с моими новыми знакомыми»¹⁵.

В декабре 1877 г. им была написана прокламация «Рабочим патронного завода». На этом заводе по вине администрации произошел взрыв, и рабочие организовали демонстрацию — похороны жертв взрыва. Прокламация призывала рабочих не возлагать надежды на начальство и «самим взяться за ум»¹⁶.

Почти все прокламации и листовки второй половины 70-х годов, обращенные к рабочим, как впрочем и большинство листовок к учащейся молодежи, крестьянам, казакам, к обществу, были написаны Плехановым. Им же была написана прокламация «К рабочим всех фабрик и заводов», выпущенная в связи со стачкой рабочих Новой бумагопрядильной фабрики. На прокламации стояла подпись «Ваши друзья»¹⁷.

Плеханов первый из народников 70-х годов обратил внимание на рост стачек в Петербурге и пытался использовать их для революционной агитации среди рабочих. В 1878 г. в нелегальной газете «Земля и воля» он поместил корреспонденции о стачках рабочих в Петербурге¹⁸. В одной из них, бичуя рав-

¹⁴ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 128 и сл.

¹⁵ Там же, стр. 130—131.

¹⁶ Э. А. Корольчук. Указ. соч., стр. 240.

¹⁷ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. 1, стр. 241.

¹⁸ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 36—55 («С новой бумагопрядильни», «С бумагопрядильной фабрики Кенига», «Волнения в среде фабричного населения»).

нодушное отношение либерального общества к положению рабочих и их борьбе, он пишет: «Социалисты, разумеется, не могут оставаться равнодушными зрителями таких важных событий в жизни рабочих, как стачка»¹⁹. О петербургских стачках Плехановым был опубликован ряд корреспонденций также в легальной печати²⁰. Таким образом Плеханов обратил внимание революционных народников на новое явление русской общественной жизни — массовые выступления рабочих.

Однако в статьях, посвященных положению рабочих и их борьбе с капиталистами, Плеханов, как и все народники, рассматривал городских фабрично-заводских рабочих как вспомогательную силу крестьянской «социалистической» революции, но он уже видит в рабочих силу значительную, растущую, способную оказать серьезную поддержку крестьянскому восстанию. Пропагандистская и агитационная деятельность Плеханова-народника среди петербургских рабочих, его тесные связи в этот период с такими передовыми пролетариями, как Степан Халтурин, П. Моисеенко и другими организаторами и участниками «Северного союза русских рабочих», оказали значительное влияние на его дальнейшую эволюцию от народничества к марксизму. Но не следует преувеличивать значение этого факта: в то время Плеханов оставался еще народником. «...Нередко идеи получают наиболее стройный вид как раз тогда, когда их господство близится к концу»²¹. Это замечание, высказанное Плехановым в 1903 г., в известной мере относится к нему самому. Общественно-политические взгляды Плеханова-народника нашли свое самое законченное выражение в 1878—1880 гг. в работах «Каменская станица»²², «Об чем спор?»²³, «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России»²⁴, «Поземельная община и ее вероятное будущее»²⁵.

В названных работах Плеханов, стремясь теоретически обосновать программу и тактику землевольцев, высказывает вместе

¹⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 44 («Волнения в среде фабричного населения»).

²⁰ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 421—422. «Недоразумения между рабочими и администрацией на Новой бумагопрядильной фабрике», «Конец забастовки рабочих на Новой бумагопрядильной фабрике» (там же), «Еще о забастовке на Новой бумагопрядильне» (там же, стр. 422—423), «Результаты забастовки на Новой бумагопрядильне» (там же, стр. 423).

²¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII. М.—Л., 1926, стр. 25.

²² «Земля и воля», 1878, № 2 (см. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 29—35).

²³ «Неделя», 1878, № 52.

²⁴ «Земля и воля», 1879, № 3 (см. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 56—74).

²⁵ «Русское богатство», 1880, январь (см. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 75—107).

с тем и отдельные соображения (по вопросу о значении экономических отношений в развитии общества, о месте и роли городских фабрично-заводских рабочих в революционной борьбе), свидетельствующие о некотором отходе их автора от ортодоксального народничества.

В это время в русской экономической и исторической литературе и в публицистике все чаще ставился вопрос о судьбах сельской общины в России, причем он рассматривался на фоне истории развития и гибели общины в других странах. Такая аналогия была вполне обоснована: все более явными становились признаки разложения русской общины. В этом плане трактовались вопросы общины в трудах пионера русской земской статистики В. И. Орлова «Крестьянское хозяйство» и «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» (1879), а также в исследованиях видного русского социолога и историка М. М. Ковалевского, посвященных истории развития и разложения общинного землевладения в отдельных странах. Впоследствии Плеханов признал, что именно эти работы, их выводы, которые он старался оспорить, впервые и очень сильно поколебали его народнические воззрения²⁶.

В статье «Поземельная община и ее вероятное будущее», помещенной в январе 1880 г. в журнале «Русское богатство», Плеханов продолжал защищать экономические основы народничества. Разбирая сочинение М. Ковалевского «Общинное землевладение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение»²⁷, Плеханов пытался опровергнуть бесспорные выводы автора о причинах распада общины. «...Распадение поземельной общины возводится им,— писал Плеханов,— на степень мирового явления, обусловливаемого притом не внешними, враждебными для коллективных форм землевладения, влияниями, но внутренними, «самопроизвольными» причинами, которые заключаются, между прочим, в «мировом явлении борьбы интересов»²⁸. Плеханов, признавая отрицательное воздействие на общину внешних факторов, отрицал внутренний, «самопроизвольный» процесс ее разложения. Однако он был вынужден все же согласиться с фактом «самопроизвольного» разложения первобытной общины у малых народов и перехода «от коллективизма к индивидуализму».

Не мог Плеханов целиком отвергнуть и ряд статистических данных Орлова, подтверждавших процесс разложения общины в Московской губ. Однако он все еще отвергал неизбежность процесса разложения общины. Дальнейшую судьбу общины он

²⁶ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 197.

²⁷ Плеханов имел в виду первую часть работы Ковалевского (см. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 77).

²⁸ Там же.

ставил в зависимость «от правильности понимания нашей интеллигенцией экономических задач родной страны»²⁹.

С народнических позиций Плеханов напал и на либерально-буржуазную печать, которая все решительнее стала выступать против пропаганды идей социализма в России. Любопытно, что либеральные публицисты ссылались при этом на Маркса, утверждая, что он сам был бы против пропаганды идей социализма в России, ибо здесь нет крупного капиталистического производства, а следовательно, нет и почвы для социализма.

Плеханов также апеллирует к Марксу, доказывая возможность и необходимость пропаганды идей социализма, но все же социализма народнического.

Критикуя социалистов-утопистов Запада за то, что «они не отводили надлежащего места законам общественного развития»³⁰, он в статье «Экономический закон развития общества и задачи социализма в России» («Земля и воля», 1879 г., № 3 и № 4) писал: «У автора «Капитала» социализм является сам собою из хода экономического развития западноевропейских обществ. Маркс указывает нам, как сама жизнь намечает необходимые реформы общественной кооперации страны, как сама форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений, которые до тех пор, пока не существовало этой необходимой подготовки, были бессильны не только совершить переворот, но и создать более или менее значительную партию. Он показывает нам, когда, в каких формах и в каких пределах социалистическая пропаганда может считаться производительной тратой сил. «Когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития, — говорит он, — оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декрета, но оно может облегчить и сократить мучения родов»³¹. Но из этого коренного положения исторического материализма Плеханов-народник делает тот вывод, что «покуда общество не напало еще на след этого закона, обуславливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна»³².

Плеханов приводил обычные доводы народников: Запад шел своим путем. Там после гибели общины победил индивидуализм мелкой частной собственности, который таит в себе собственное отрицание, нарастающее с развитием крупного капиталистического производства. «Нам, — писал Плеханов, — понятна также роль капитализма в деле постепенного сплочения рабочих масс.

²⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 107.

³⁰ Там же, стр. 57.

³¹ Там же, стр. 58.

³² Там же, стр. 59.

На Западе он, действительно, был естественным предшественником социализма»³³. Но в России, утверждал Плеханов, экономическое развитие шло и идет другим путем. Здесь крестьянская община сохранилась, несмотря на тяжелые испытания. Поэтому «мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станцией на пути его прогресса», — заключает он³⁴.

На первый взгляд кажется парадоксальным, что в своих выступлениях в защиту народничества Плеханов ссылался на... Маркса. Некоторые историки даже ошибочно истолковывали это обстоятельство как марксистское понимание Плехановым в то время законов общественного развития.

Таким образом, мы видим, что на Маркса ссылались как либералы, так и возражавшие им народники. В. И. Ленин впоследствии писал: «Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»³⁵.

Ссылки Плеханова на Маркса в этот период — пример бессознательного софистичирования исторического материализма в целях защиты народничества. Но вместе с тем они указывают на интерес его к учению Маркса о законах общественного развития. Кроме того, признание определяющей роли экономических отношений в развитии общества, даже в извращенном толковании этого принципа применительно к России, было шагом вперед от субъективной социологии народников.

В своей полемике с представителями либерально-буржуазного направления Плеханов дал развернутую систему народнических взглядов. Главное место в ней занимает все та же защита идей об «особом» пути экономического развития России, об «особой» миссии русской крестьянской общины как зародыша социализма. В статье «Об чем спор?»³⁶ Плеханов все еще пытался убедить читателя в приверженности русского крестьянина к «общинному духу», — в отличие от проникнутого индивидуализмом крестьянина Западной Европы. По мнению Плеханова,

³³ Там же, стр. 61.

³⁴ Там же.

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 85.

³⁶ Г. Валентинов. Об чем спор? «Неделя», 1878, № 52, стр. 1735—1745.

самим фактом «общинного владения землею» давался отпор кулачеству.

Плеханов видел главную задачу русских социалистов в создании «боевой народно-революционной организации для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем»³⁷. Дальнейшие планы намечаются также в чисто народническом духе. Спасение России в общине, поэтому, пишет Плеханов, «главные усилия и здесь должны быть направлены на устранение развращающего влияния современного государства»³⁸. Практические задачи русских социалистов конца 70-х годов, с точки зрения Плеханова-народника, были те же, что ставили себе «титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие»³⁹.

Но вместе с тем Плеханова тогда занимал и вопрос об отношении народнической интеллигенции к пролетариату, что объяснялось его сравнительно тесными и длительными связями с рабочими, причем ему пришлось сталкиваться не только с передовыми, питерскими пролетариями, среди которых он вел пропаганду, но и наблюдать их массовые выступления во время крупных стачек в конце 70-х годов. Эти выступления убедили его в том, что масса городских рабочих может играть серьезную роль в «социальной революции».

Опираясь на собственный опыт агитационно-пропагандистской деятельности среди рабочих, Плеханов считал необходимым укреплять связи революционной интеллигенции с городскими рабочими и настаивал на пересмотре старого народнического взгляда на участие рабочих в социалистическом движении. «Надо было относиться к городским рабочим, как к целому, имеющему самостоятельное значение, — пишет он, — надо было изыскивать средства влиять на всю их массу, а это было невозможно до тех пор, пока в городских рабочих видели только материал для вербовки отдельных личностей»⁴⁰.

Продолжая считать крестьянство главной и основной силой революции, Плеханов вносит новый момент в тактику народничества — призывает поддержать всероссийский крестьянский бунт выступлениями рабочих, которые отвлекут в городах полицию и войска и этим облегчат победу восставших крестьян.

Эта идея зародилась у него под непосредственным влиянием подъема стачечного движения рабочих в Петербурге и в других городах в конце 70-х годов. Но и эта идея подтверждала, что Плеханов не понимал тогда исторической роли пролетариата. Признавая, что «наши крупные промышленные центры пред-

ставляют нам скопления десятков, иногда даже сотен тысяч рабочего люда»⁴¹, он тут же добавлял, что «в огромном большинстве случаев, — все это те же крестьяне, что и в деревне. Фабрика для них является только видом отхожего промысла... Вопрос аграрный, вопрос общинной самостоятельности, земля и воля, одинаково близки сердцу рабочего, как и крестьянам... Дело их одно — одна у них может и должна быть борьба»⁴². Вместе с тем Плеханов видел, что русские городские рабочие «одинаково с западными составляют самый подвижной, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения. Благодаря этому они являются драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота»⁴³.

В этой концепции нет еще ничего от марксизма. Но признание необходимости учитывать также рабочие массы как силу в русском революционном движении является важным симптомом в развитии взглядов Плеханова.

Отстаивая необходимость продолжения революционной пропаганды в «народе», он ссылается не только на волнения казаков на Дону и на Урале, но и на стачки рабочих в городах и фабрично-заводских местностях России, а также на рабочих-революционеров 70-х годов. «Говорить ли о городских рабочих? Повторять ли, что Малиновские, Обнорские, Петры Алексеевы, Петерсоны и т. д. служат наглядным доказательством плодотворности нашей деятельности в рабочей среде»⁴⁴.

К концу 1879 г. Плеханов обладал, как мы видим, значительным опытом практической революционной деятельности. Этот опыт он приобрел, ведя пропагандистскую работу среди различных слоев народа — рабочих, крестьян, казаков, не говоря уже о его тесной связи с учащейся молодежью.

Раскол народнической организации «Земля и воля» на воронежском съезде вызвал разрыв Плеханова с такими близкими ему товарищами, как А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов. Занятая Плехановым на съезде позиция решительной борьбы против террористической тактики энергично отстаивалась им и его немногими единомышленниками и некоторое время после съезда.

В январе 1880 г. Плеханов вынужден был покинуть Россию и эмигрировать в Женеву.

Русская политическая эмиграция в Швейцарии, Франции и в других странах, как и все народническое движение, переживала тогда глубокий идейный кризис. Между народовольцами и чернопередельцами шли нескончаемые споры о дальнейших

³⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 66.

³⁸ Там же, стр. 65.

³⁹ Там же, стр. 66.

⁴⁰ Там же, стр. 69.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 69—70.

⁴⁴ Там же, стр. 127.

путях революционной борьбы. В то же время происходили столкновения социалистов с либерально-буржуазными и буржуазно-националистическими элементами. Так, М. П. Драгоманов и его единомышленники издавали в Женеве журнал «Громада». В этом журнале, а также в газете «Вольное слово» они нападали с буржуазных позиций на русских и польских революционеров, называя уголовщиной их самоотверженную политическую борьбу с самодержавием. Драгоманов пропагандировал украинский сепаратизм и буржуазный национализм. В брошюре «Як наша земля стала не наша» и в других работах он ратовал за сотрудничество классов на Украине под лозунгом «Свой своему поневоле брат».

Прибыв в Женеву, Плеханов сразу окунулся в идейную борьбу эмигрантских групп. Вместе с известными польскими революционерами Л. Варыньским, С. Дикштейном и К. Длуским Плеханов повел решительную борьбу с национализмом Драгоманова.

Плеханов, тогда еще народник-социалист, отстаивал идею непримиримости интересов помещиков и крестьян, вообще эксплуататоров и эксплуатируемых любой нации, и боролся за единство революционной борьбы народов России. По свидетельству Р. М. Плехановой, «схватки были жаркие, и главными борцами были Драгоманов и Плеханов»⁴⁵.

В Женеве Плеханов горячо принялся за изучение трудов Маркса и Энгельса и их предшественников Гегеля и Фейербаха.

Прожив несколько месяцев в Женеве и затем в Кларане, он выехал в Париж, куда давно стремился. Здесь, в этом городе революционной славы, Плеханов смог воочию наблюдать борьбу французского рабочего класса. Зимой 1880—1881 гг. и весной 1881 г. он посещал многолюдные собрания, где первые французские марксисты Ж. Гед и П. Лафарг вели острые споры с анархистами и радикал-социалистами. Эти дискуссии производили большое впечатление на чернопередельца Плеханова, переживавшего уже тогда сильные идейные колебания, и, несомненно, помогли ему приблизиться к марксизму⁴⁶.

Скоро Плеханов лично познакомился с Гедом и Лафаргом и другими деятелями французского революционного социали-

⁴⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 200. Некоторые следы этих «схваток» сохранились в «Записной книжке» Г. В. Плеханова за 1880—1882 гг., в его переписке с П. Лавровым, в переписке между членами заграничной группы «Черного передела». См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 213; «Группа «Освобождение труда»», стб. М.—Л., 1926, стр. 72—90; Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924, стр. 57—61.

⁴⁶ См. Р. М. Плеханова. Наша первая встреча с Жюлем Гедом. «Группа «Освобождение труда», сб. I. М., 1921.

стического движения Леклером, Лябускьером, героиней Парижской коммуны Луизой Мишель⁴⁷.

Эволюция взглядов Плеханова и его единомышленников-чернопередельцев нашла свое отражение на страницах журнала «Черный передел»⁴⁸. В первых номерах этого органа его издатели подчеркивали еще свою приверженность программе общества «Земля и воля». Отход от этой полубакунистской программы ясно виден в «Заявлении прежних издателей «Черного передела»,» написанном Г. Плехановым и опубликованном в марте 1881 г. в качестве передовой в № 3 названного журнала. Здесь Плеханов указывает, что, оставаясь верными основам старой землевольческой программы, чернопередельцы, однако, не должны игнорировать политическую борьбу. ««Черный передел...», — пишет он, — лишился бы значительной доли практического значения, оставаясь вполне безучастным к политическому вопросу, столь гучему теперь в России»⁴⁹.

На почве отказа чернопередельцев от анархистской тактики отрицания политической борьбы в 1881 г. наметилось сближение между заграничными группами народовольцев и чернопередельцев. Но это сближение не удалось претворить в жизнь, так как понятие политической борьбы по-разному воспринималось Плехановым и народовольцами.

Проявляя глубокий интерес к западноевропейскому социалистическому движению, Плеханов продолжал жить прежде всего интересами революционного движения родной страны. Знаменательные события 1 марта 1881 г. застали его в Париже. Громадное большинство находившихся здесь русских политических эмигрантов считало, что царское правительство испугается террора революционеров, пойдет на серьезные уступки. Плеханов более трезво оценивал обстановку в России. «...Я и в письмах к своим друзьям и на собраниях русской колонии в Париже, где я жил в то время, — писал впоследствии Плеханов, — не раз высказывал свое убеждение в том, что «покончив» с Александром II, «партия Народной Воли» нанесла смертельный удар самой себе и что на первое марта 1881 г. мы должны смотреть, как на начало конца «народовольства»⁵⁰.

В Париже Плеханов написал работу «Новое направление в политической экономии» (1881), в которой критиковал буржуазную историческую школу в политической экономии⁵¹, хотя в важнейших вопросах этой науки он еще не стоял целиком на позициях К. Маркса.

⁴⁷ См. «Каторга и ссылка». Историко-революционный вестник, кн. 31. М., 1927, стр. 86.

⁴⁸ Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг.

⁴⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 134.

⁵⁰ Там же, т. XIII, стр. 27.

⁵¹ См. там же, т. I, стр. 168—215.

Проведенный Плехановым в Париже 1881 год идейно очень обогатил его: он приобрел новые теоретические знания и установил практические связи с французским рабочим движением. И то и другое оказалось весьма плодотворным для его идейного развития на пути к марксизму. Он по-прежнему верил, что Россия может прийти прямо к социалистическому перевороту. Но он уже допускал и другую возможность: в России может произойти буржуазная революция, и между буржуазной и социалистической революцией возможен интервал, длительность которого будет зависеть от революционных сил, от степени их организованности. Поэтому необходимо предотвратить захват власти буржуазией. «Борьба с ними (т. е. с представителями буржуазии.— Ю. П.),— предупреждает Плеханов,— будет так же неизбежна для народа, как неизбежны были протесты его против гнета абсолютизма. И чем разрозненнее будут его (т. е. народа.— Ю. П.) силы, чем менее он будет подготовлен к пониманию социальных отношений в буржуазном обществе, тем труднее будет борьба его против новых своих господ, тем долее отсрочена будет его победа»⁵².

Главную цель русских революционеров автор письма видит в «создании социально-революционной организации в народной среде». Среди ближайших требований этой организации «требование политической свободы войдет как составная часть... Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, вроде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда и т. д.»⁵³. Борьба за эти требования, по мнению Плеханова, может объединить народолюбцев с чернопредельцами и способствовать созданию единой русской социалистической партии.

Плеханов, таким образом, к весне 1881 г. фактически отошел от прежней, полубакунистской программы «Черного передела», но он и не определился, как многие чернопредельцы, на позициях «Народной воли». В понимании значения революционной теории, в понимании значения революционной организации, в определении ее ближайших требований Плеханов ушел вперед как от чернопредельцев, так и от народолюбцев.

Из-за границы Плеханов с возрастающим интересом следил за ростом русского рабочего движения. «Как Вам понравилось известие об успехах организации и пропаганды в среде городских рабочих, главным образом, в Питере?»,— взволнованно спрашивал он Лаврова в письме от 31 октября 1881 г.⁵⁴ А че-

рез две недели в следующем письме тому же адресату Плеханов радуется успехам рабочей газеты «Зерно», издававшейся чернопредельцами в России. «Если бы действительно «Зерно» расходилось в 1000 экземплярах *в среде рабочих!*...— восклицает он.— Тогда поскорее запасаться нужными сведениями и *dahin, dahin*⁵⁵. Мне ведь и раньше казалось, что от рабочих только и можно ждать сколько-нибудь важного и серьезного участия в революционном движении»⁵⁶.

К концу 1881 г. Плеханов уже признавал факт вступления России на путь капиталистического развития. В письме к П. Лаврову, написанном им в конце декабря 1881 г., мы находим такие убедительные строки: «Как жаль, что мне не пришлось послушать Вашей лекции о «Капитализме в России». Я, как Вам известно, держусь того взгляда, что это дело уже решенное, Россия уже вступила на путь естественного закона своего развития, и все другие пути,— мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран,— для нее закрыты»⁵⁷.

Это письмо Георгий Валентинович написал в Швейцарии, куда он вернулся из Парижа осенью 1881 г. из-за тяжелых материальных условий, а также чтобы быть ближе к своим единомышленникам. Плеханов поселился в дер. Божни над Клара-ном.

Тогда же осенью 1881 г. Г. В. Плеханов принялся за перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» и работал над ним до начала 1882 г. Не случайно, что именно этот период стал решающим в развитии Плеханова к марксизму. «Лично о себе могу сказать,— писал он,— что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. «Конечно, следовало бы перевести «Манифест»,— сказал он,— но вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь свое». Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести «Манифест»»⁵⁸.

В этот период, период развития русской революционной и социалистической мысли «от утопии к науке», перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса имел колоссальное значение. «В этом произведении,— указывал В. И. Ленин,— с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о раз-

⁵² Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 135.

⁵³ См. там же, стр. 135—136.

⁵⁴ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 206.

⁵⁵ Туда, туда.

⁵⁶ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 208.

⁵⁷ Там же, стр. 210.

⁵⁸ Там же, стр. 17.

витии, теория классово́й борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»⁵⁹.

Хотя переведенный Плехановым «Манифест» вышел в серии «Русской социально-революционной библиотеки»⁶⁰, он справедливо считается в нашей марксистской библиографии первым изданием группы «Освобождение труда».

Плеханов обратил внимание на наличие в бакунинском переводе «Манифеста» (1869) «неточностей, мешавших правильному пониманию мыслей авторов»⁶¹. Он работал над переводом и изданием «Манифеста» с целью помочь русской революционной молодежи скорее обрести правильную революционную теорию, убедить ее в несостоятельности, ошибочности, утопичности народнических, бакунинских и бланкистских народо-вольческих теорий. Плеханов считал это издание исключительно важным для распространения идей научного социализма среди русской революционной молодежи, призванным совершить в умах русских социалистов тот революционный переворот, которым ознаменовалось появление марксизма во всей мировой общественной науке, в международном освободительном движении.

Плеханову принадлежит не только заслуга перевода текста «Манифеста», но и инициатива в получении специального предисловия К. Маркса и Ф. Энгельса для русского издания, а также выбор приложений к «Манифесту» из других произведений Маркса. Получив от П. Лаврова второе немецкое издание «Манифеста» (1872 г.) с предисловием авторов, Плеханов написал ему следующее: «Это предисловие навело меня на мысль попросить Маркса или Энгельса написать к нашему переводу новое, более полное предисловие. Как Вы об этом думаете? Издание выиграло бы через это очень не мало. Если находите мою мысль исполнимой, то потрудитесь написать об этом Марксу... Я думаю прибавить и к нашему изданию перевод Устава Международного товарищества рабочих и некоторые выдержки из «Первого Манифеста» этого товарищества»⁶².

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 32.

⁶⁰ «Русская социально-революционная библиотека» — издание научных популярных брошюр, предпринятое П. Л. Лавровым, Н. А. Морозовым, Г. В. Плехановым и др. В 1880—1882 гг. в этой серии вышли «18-е марта 1871 г.» П. Лаврова, «Сущность социализма» Шефле, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса в переводе и с предисловием Г. В. Плеханова, «Наемный труд и капитал» К. Маркса в переводе и с предисловием Л. Дейча, «Программа работников» Ф. Лассаля.

⁶¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. 1, стр. 23.

⁶² «Дела и дни». Исторический журнал, кн. II, П., 1921, стр. 89. Письмо без даты, но, по всей видимости, оно написано в конце декабря 1881 г. — начале января 1882 г.

П. Лавров, узнав о смерти Дженни Маркс и о том, что сам Маркс болен, не решался тревожить его. Но Плеханов придавал своему замыслу громадное значение. «Что касается до предисловия к Манифесту, — убеждал он Лаврова, — то ведь его мог бы написать и Энгельс. Он такой же автор Манифеста, как и Маркс, и, кажется, совершенно здоров и по настоящее время. Как Вы думаете, не обратиться ли к нему. Право, было бы очень и очень хорошо»⁶³.

Уступая настойчивости Плеханова, П. Лавров обратился в январе 1882 г. с письмом к К. Марксу, в котором сообщил ему о первых выпусках «Русской социально-революционной библиотеки» и о подготовке к изданию русского перевода «Манифеста» с примечаниями «некоего молодого автора (Плеханова), одного из самых горячих ваших учеников». Далее Лавров писал: «...мы, редакторы «Русской социально-революционной библиотеки», обращаемся к авторам «Манифеста», т. е. к Вам и к Энгельсу. Не будете ли вы так добры написать несколько строк, как специальное предисловие, для нашего издания. Нашим читателям было бы крайне интересно узнать, как авторы «Манифеста» толкуют его в 1882 г. и это придало бы большую ценность нашему переводу в глазах публики. Если Вы и Энгельс согласитесь выполнить нашу просьбу, мы будем Вам очень благодарны»⁶⁴.

К. Маркс в ответном письме к П. Лаврову 23 января 1882 г. сообщил, что он прилагает несколько строк для русского издания «Коммунистического Манифеста»⁶⁵. Эти «несколько строк» и были знаменитым предисловием Маркса и Энгельса к русскому изданию «Коммунистического Манифеста».

Сопоставляя международную обстановку и состояние революционного движения в Европе в период революции 1848—1849 гг. с обстановкой начала 80-х годов, авторы «Манифеста» указывали в предисловии на быстрый рост революционного движения в России как на важнейший фактор всей политической жизни Европы. Своей оценкой перспектив русской революции, которой они придавали мировое значение, авторы «Манифеста» вдохновляли революционную Россию на дальнейшую борьбу с царским самодержавием.

Зная, насколько велик среди русских революционеров интерес к их мнению о судьбах крестьянской общины, Маркс и

⁶³ Там же, стр. 91—92.

⁶⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 257.

⁶⁵ См. там же.

Энгельс в предисловии очень тактично высказали по этому поводу свои соображения⁶⁶.

Перевод «Манифеста» в 1882 г. был сделан с немецкого издания 1872 г.; Плеханов приложил к нему новые материалы, имеющие громадное принципиальное значение. В первое русское издание «Манифеста» вошли: 1) «Несколько слов от переводчика», 2) «Предисловие от авторов к русскому изданию», январь 1882 г., 3) «Предисловие авторов к немецкому изданию 1872 г.», 4) «Манифест Коммунистической партии», 5) Приложения: а) отрывок из «Гражданской войны во Франции» К. Маркса и б) «Устав Международного товарищества рабочих».

В предисловии к немецкому изданию «Манифеста» 1872 г. Маркс и Энгельс, как известно, сформулировали основной вывод, вытекавший из опыта Парижской коммуны, а именно: рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, он должен ее сломать. Говоря о построении пролетариатом своего государства, его упрочении и совершенствовании, Маркс и Энгельс рекомендовали читателям обратиться к книге «Гражданская война во Франции», где этот вопрос подробно был ими разработан. Опубликование в качестве приложения к русскому переводу «Манифеста» отрывка из «Гражданской войны», на который ссылались Маркс и Энгельс, показывает, какое значение придавал Плеханов проблеме отношения социалистов к государству, насколько существенной он считал антибакунинскую, антианархическую направленность этого отрывка. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Русские очень хорошо сделали, соединив это место из «Гражданской войны» к своему переводу «Манифеста»⁶⁷.

Громадное значение имело и другое приложение к «Манифесту», а именно «Устав Международного товарищества рабочих». Плеханов включил его в издание, так как в нем были изложены организационные принципы международного объединения пролетариата, основанные на идеях научного социализма.

В предисловии Плеханова признается широкая популярность в России того времени основоположников научного социализма. «Имена Карла Маркса и Ф. Энгельса пользуются у нас такую громкою и почетною известностью, что говорить о научных достижениях «Манифеста Коммунистической партии», значит повторять всем известную истину», — так начи-

нает Плеханов свои «Несколько слов от переводчика»⁶⁸. Замечательно определение Плехановым исторической роли «Манифеста» в развитии международной революционной мысли. Плеханов уже понял, что «вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма»⁶⁹.

Выступая против господствовавшего тогда в России понимания политической борьбы как заговора, а также против либерального понимания задач политической борьбы, Плеханов отстаивал правильный подход к вопросу о соотношении социализма и политической борьбы. В своем предисловии он писал, что издание «Манифеста» на русском языке поможет «предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой»⁷⁰.

Предисловие Плеханова к «Манифесту», его «Несколько слов от переводчика», свидетельствует о большом и решительном шаге к марксизму, сделанном Плехановым с 1880 г., со времени написания им совместно с Лавровым извещения «Об издании Русской социально-революционной библиотеки», когда Плеханов выступал еще как один из виднейших деятелей народничества. Идеи «Манифеста» убедят, по мнению Плеханова, людей, склонных к бакунизму, в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая» и что отказ от политической борьбы с царским самодержавием равнозначен косвенной поддержке его⁷¹. Плеханов уже осознал, что показанная в «Манифесте» взаимозависимость политических и экономических интересов трудящихся имела особое значение для русского революционного движения.

В предисловии к переводу «Манифеста» он писал: «...успех борьбы всякого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему «враждебной противоположности» его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты»⁷².

⁶⁸ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. 1, стр. 23.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 24.

⁷¹ См. там же.

⁷² Там же.

⁶⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1956, стр. 8.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 339.

Плеханов здесь уже подходит к правильному пониманию передовой роли пролетариата в революции, к необходимости его организации, и в этом он видит основную задачу русского революционного движения.

Работа Плеханова над переводом «Манифеста» явилась решающей вехой в его идейном развитии на пути к марксизму.

«Чем более знакомилась мы с теориями современного научного социализма, — пишет Плеханов, — тем более сомнительным становилось для нас наше народничество как со стороны теории, так и со стороны практики»⁷³.

Дальнейшую идейную эволюцию Плеханова к марксизму можно проследить по его работе «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова», состоящей из трех статей: две из них были написаны в 1881 г., а последняя — в конце 1882 г. В статьях 1881 г. Плеханов ставит Родбертуса почти в один ряд с Марксом. Этого нельзя сказать о третьей статье Г. В. Плеханова, написанной после перевода «Манифеста». Здесь Плеханов решительно критикует взгляды Родбертуса на капитал, его учение о кризисах. Он больше не считает Родбертуса социалистом, а характеризует его как землевладельца, который «не только по положению, но отчасти и по симпатии» стремится «воспользоваться рабочим движением, между прочим, и в интересах землевладельцев, до сих пор еще не окончивших своей исторической распри с капиталистами»⁷⁴.

Решительный разрыв Плеханова с народничеством ярко выражен в его статье «Афанасий Прокофьевич Шапов», впервые опубликованной в 1883 г. в «Вестнике Народной воли», № 1. Подвергнув в ней разбору сочинение проф. Н. Я. Аристовой о Шапове, Плеханов показал несостоятельность принципа федерализма, который проповедывали народники, и их взгляда на происхождение и роль русского государства и государства вообще. Он показал также, что в вопросе об исторической роли государства народники, в частности Шапов, стояли ближе к Бакунину, чем к Чернышевскому. Между А. П. Шаповым и Н. Г. Чернышевским, подчеркивает Плеханов, «яблоком раздора был именно вопрос о государстве, его исторической роли и желательном для демократов отношении его к народу в настоящее время»⁷⁵. Чернышевский понимал, что социалистическое пересоздание общества должно в конце концов привести к отмиранию государства, но, пишет далее Плеханов, «самое это пересоздание было, по-видимому, мыслимо для него лишь под условием энергического воздействия со стороны государства»⁷⁶.

⁷³ Там же, т. XIII, стр. 26.

⁷⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 338.

⁷⁵ Там же, т. II, стр. 17.

⁷⁶ Там же.

Эти важнейшие выводы Плеханова свидетельствуют о том, что идейное богатство Н. Г. Чернышевского он стал настоящему осваивать лишь при переходе на позиции марксизма.

В статье «Афанасий Прокофьевич Шапов» Плеханов отвергает народничество в целом, отвергает как учение, тормозящее дальнейшее развитие революционной мысли.

В это время Плеханов уже высказывался против дальнейшего распространения в России произведений прудонистской литературы, чем тогда усиленно занимались Лавров и Тихомиров, и настаивал на пропаганде в России исключительно произведений основоположников научного коммунизма, «чтобы имеющая возникнуть русская рабочая литература поставила себе задачей популяризацию учения Маркса и Энгельса, минуя окольные пути более или менее искаженного прудонизма»⁷⁷.

Того же мнения придерживались тогда и единомышленники Плеханова, вместе с ним строившие первую русскую марксистскую группу. Их было немного, всего четыре эмигранта. Все они были в прошлом деятельными народниками, противниками тактики террора и после раскола «Земли и воли», примкнули к «Черному переделу». У каждого из них за плечами был опыт революционной работы. Так, П. Б. Аксельрод, уже в 1872 г. один из первых организаторов народнических кружков в Киевском университете, был ярким проповедником «хождения в народ». Вынужденный эмигрировать, он в 1874 г. поселился в Женеве, где близко сошелся с заграничной группой русских анархистов и в 1876—1877 гг. сотрудничал в их органе «Рабочник», а в 1878—1879 гг. являлся одним из редакторов и сотрудником другого органа бакунистов — «Община». Здесь им были напечатаны статьи «Итоги социал-демократической партии в Германии» и «Переходный момент в нашей партии»⁷⁸.

В этих работах имеются некоторые отступления от бакунизма. Автор берет под сомнение анархистское представление о «народе» как о силе, готовой в любой момент к революции, и требует систематической предварительной пропаганды в массах. Вместе с тем он советует русским социалистам не игнорировать западноевропейское социалистическое рабочее движение, его опыт массовой агитации и пропаганды, его организационный опыт.

В 1880 г. Аксельрод работал в Петербурге, где стоял во главе кружка молодежи⁷⁹, и в середине того же года уехал

⁷⁷ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. 1, стр. 24.

⁷⁸ «Община». Социально-революционное обозрение, 1878, № 6—7, стр. 33—41; № 8—9, стр. 21—33.

⁷⁹ См. Р. М. Плеханова. Наша жизнь до эмиграции. «Группа «Освобождение труда», сб. 6, стр. 110—116.

за границу для связи с группой Плеханова. В октябре 1881 г. он выступал на международном социалистическом конгрессе в Хуре с речью о состоянии русского социалистического движения. В 1881—1882 гг. он опубликовал в журнале «Вольное слово» статьи «Письма о рабочем движении» и «Хронику рабочего движения». В этих и других статьях Аксельрода 1881—1882 гг. виден дальнейший его отход от народничества.

Члены группы Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов были несколько моложе, но тоже включились в революционную деятельность в начале 70-х годов⁸⁰. Во второй половине 70-х годов Дейч был активным деятелем кружков южных бунтарей, одним из самых энергичных народнических пропагандистов юга России. В 1877 г. он вместе с Я. Стефановичем был арестован по знаменитому «Чигиринскому делу»⁸¹. В мае 1878 г. Дейч бежал из Киевской тюрьмы за границу, но вскоре возвратился в Россию. В начале 1880 г. он вместе с Плехановым, Засулич и Стефановичем, которые энергично разыскивались полицией, эмигрировал за границу. Сюда он прибыл убежденным народником. «Но уже вскоре по приезде в Швейцарию,— писал он впоследствии,— хотя мы продолжали считать себя «чернопередельцами» — в наших воззрениях стала образовываться брешь: мы почувствовали, что без завоевания политической свободы в России невозможна никакая плодотворная работа на пользу угнетенных, трудящихся масс. Вместе с тем под влиянием наблюдения западноевропейских политических учреждений, а главным образом благодаря ознакомлению с учением Маркса и Энгельса, мы... начали признавать необходимым, наряду с пропагандой социалистических воззрений преимущественно среди рабочих, вести борьбу с правительством за завоевание политической свободы»⁸².

В. Н. Игнатов, товарищ Плеханова по студенческому кружку Петербургского технологического института, был тоже участником «хождения в народ». В конце 1880 г., заболев туберкулезом, Игнатов уехал в Египет, а оттуда на юг Франции. Здесь он восстановил связь со своими товарищами по «Черному переделу». Еще в середине 70-х годов В. Н. Игнатов прочитал «Капитал» К. Маркса. Находясь за границей, он получил возможность глубже заняться изучением научного социализма. «Он,— сообщает его сестра,— очень интересовался ходом

⁸⁰ См. Л. Г. Дейч. За полвека. М.—Л., 1926, стр. 42—275.

⁸¹ Я. Стефанович, Л. Дейч, И. Бохановский и др. сделали попытку посредством подложной царской грамоты поднять крестьянство Чигиринского у. Киевской губ. на восстание. Во втором номере «Черного передела» (1880 г.) Плеханов выступил со статьей «От редакции», в которой резко критиковал главных участников «Чигиринского дела».

⁸² Приложение Дейча к переписке Г. В. Плеханова с П. Л. Лавровым «Дела и дни», кн. II, 1921, стр. 100.

рабочего движения, а также политической жизнью европейских стран, в частности Франции и Германии»⁸³. Вместе с остальными своими товарищами Игнатов порвал с народничеством и стал марксистом. В 1885 г. он умер.

Революционная деятельность ближайшей помощницы Плеханова по группе «Освобождение труда» Веры Ивановны Засулич началась еще в конце 60-х годов. В 1869 г. она была арестована по делу С. Г. Нечаева и водворена в Петропавловскую крепость, откуда вышла весной 1871 г.⁸⁴ Отбыв административную ссылку, она вновь включилась в активную революционную деятельность. В 1875 г. вместе с народниками Стефановичем и Бохановским она отправилась «в народ» на юг России. В январе 1878 г. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова за то, что по его распоряжению был подвергнут наказанию розгами политический заключенный Боголюбов. Под давлением широких кругов общественности царский суд был вынужден вынести ей оправдательный приговор. Преследуемая царскими властями, В. И. Засулич эмигрировала за границу, но в 1879 г. вернулась в Россию. Вместе с Г. В. Плехановым в начале 1880 г. Засулич была вынуждена вновь покинуть родину.

За границей она получила возможность глубже изучать социалистическую литературу.

Сохранившаяся в «Доме Плеханова» переписка между В. И. Засулич и Г. В. Плехановым, Л. Г. Дейчем и другими, а также многочисленные рукописи В. И. Засулич за 80-е и 90-е годы наглядно свидетельствуют о большой напряженной работе этой первой русской женщины-марксистки. Здесь — подробные выписки из многих произведений К. Маркса и Ф. Энгельса («Нищеты философии», «Положения рабочего класса в Англии», «Кёльнского процесса коммунистов», «18-го брюмера», «Анти-Дюринга» и др.). Вместе с тем сохранились выписки Засулич из работ Генри Джорджа, Прудона и других авторов. Ею были изучены труды по истории Великой французской буржуазной революции 1789 г., Первого Интернационала, Парижской коммуны⁸⁵.

Хорошее знание европейских языков дало ей возможность перевести на русский язык некоторые из важнейших произведений марксизма. В ту эпоху это была русская женщина, едва ли не самая сведущая в области истории русского и международного революционного движения. И в то же время это была

⁸³ Е. Н. Игнатов а. Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы (воспоминания сестры). «Группа «Освобождение труда», сб. 1, стр. 108.

⁸⁴ См. «Группа «Освобождение труда», сб. 2, М., 1924, стр. 70—71.

⁸⁵ См. Архив «Дома Плеханова», ф. В. И. Засулич. В. 3—5. 10 инв. № 6864, 8. 2 инв. № 10830, 5. 11 инв. № 6865, 5. 16 инв. № 6870, 2. 5 инв. № 6823, 2. 3 инв. № 6825.

прославленная русская революционерка, известная далеко за пределами родной страны. Знали о ней творцы научного коммунизма Маркс и Энгельс.

16 февраля 1881 г. Засулич решила обратиться к Марксу с письмом. Письмо В. И. Засулич отражает ту стадию ее идейного развития, когда она уже начала сомневаться в главном исходном пункте народнического учения. «В последнее время,— признает она,— мы часто слышим мнение, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм... обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими подлинными учениками, «марксистами»⁸⁶. ...Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс»⁸⁷.

Глубоким волнением проникнуты слова В. И. Засулич: «Вы знаете лучше, чем кто бы то ни было, как злободневен этот вопрос в России... Но этот вопрос, по-моему,— вопрос жизни и смерти, особенно для нашей социалистической партии. От той или другой точки зрения на этот вопрос зависит даже личная судьба наших революционных социалистов»⁸⁸. Либо община способна стать исходным пунктом социалистических преобразований в России, рассуждает автор письма, и тогда все силы следует направить на освобождение общины от тех внешних факторов, которые ее разлагают; либо она осуждена на гибель, и тогда русским социалистам остается ждать десятки лет, пока Россия достигнет уровня капиталистического развития передовых стран. Пока же мы принуждены вести пропаганду среди рабочих. Такова, по мнению Засулич, дилемма, перед которой стоят русские социалисты. В заключение письма Вера Ивановна еще раз подчеркивает, какое исключительное значение для русских социалистов имеет ответ Маркса по вопросу о судьбах русской общины и о том, что «в силу исторической неизбежно-

⁸⁶ Трудно сказать, кого именно здесь имела в виду Засулич, но знаменателен сам факт, что уже тогда были русские люди, которые называли себя «марксистами». В литературе давно были опубликованы факты, свидетельствующие о том, что еще в конце 70-х годов в России среди революционной интеллигенции имелись одиночки, которые начали проникаться марксистскими воззрениями (см. А. Санин. К ранней истории русского марксизма. «Историко-революционный сборник», под ред. В. И. Невского, т. III. М.—Л., 1926, стр. 118—147. См. также сообщение: Э. А. Корольчук. Русские социал-демократы в 1879 году. «Историко-революционный сборник», т. II. Л., 1926, стр. 412—417).

Не исключено, что В. И. Засулич писала об отдельных представителях «лавростов времен упадка». Называя их так, Плеханов, между прочим, отмечает, что они признавали факт разложения общины.

⁸⁷ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 300.

⁸⁸ Там же, стр. 299.

сти, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства»⁸⁹.

Засулич обращалась к Марксу не только от себя лично, но и от имени своих товарищей⁹⁰. Ответ Маркса на вопрос, столь волновавший русских революционеров, группа предполагала перевести на русский язык и опубликовать в России⁹¹.

Насколько К. Маркс был внимателен к русским революционерам, как тщательно он обдумывал свой ответ, видно из написанных им трех больших черновиков, предшествовавших окончательной редакции письма⁹². Из письма Засулич Маркс не мог узнать о начавшейся эволюции во взглядах русской группы, все более отходившей от народничества к марксизму. Из этого письма он мог только заключить, что тревога автора вызывается усилением капиталистического развития России, ускорением процесса разложения крестьянской общины и в связи с этим назревшим идейным кризисом в среде русской интеллигенции.

На вопрос, может ли община играть роль исходного пункта социалистических преобразований в России, Маркс ответил: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»⁹³. Так писал Маркс в 1877 г. в письме редакции «Отечественных записок». Этот вывод он повторил 8 марта 1881 г. в своем ответе В. Засулич.

Россия вступила на путь капиталистического развития, который грозит общине гибелью. Но если русские социалисты желают, чтобы их народ не испытал всех роковых последствий пути капиталистического развития, пройденного Западной Европой, если социалисты России хотят сократить этот путь

⁸⁹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 300.

⁹⁰ См. там же.

⁹¹ Письмо Маркса к Засулич не было опубликовано, но его содержание стало известно в народнических кругах.

Можно предполагать, что в связи с подготовкой второго тома «Капитала» члены группы, прежде чем обнародовать письмо, ждали более подробного разбора Марксом проблемы русской общины. К тому же Марксом была обещана Исполнительному комитету «Народной воли» специальная работа по этому же вопросу, о чем говорится в письме Маркса к Засулич.

После получения через 10 месяцев от Маркса и Энгельса их предложения к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», в котором авторы вновь коснулись вопроса о судьбах русской общины, необходимость публикации письма Маркса к Засулич, видимо, отпала. Оно было опубликовано почти одновременно в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», № 1, стр. 24 и в сб. «Из архива П. Б. Аксельрода». Берлин, 1924.

⁹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 677—697.

⁹³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 221.

посредством сохранившегося в значительной степени общинного метода землепользования, они могут этого добиться только немедленным свержением самодержавия, которое даст толчок к пролетарской революции на Западе, а она, в свою очередь, облегчит России переход к социализму. Если же революция в России в ближайшем будущем не произойдет, то судьба общины предрешена.

Давая такой ответ на вопрос, обречена ли русская община на гибель, Маркс и Энгельс постепенно подводили русскую революционную интеллигенцию к мысли о том, что крестьянская община в России вследствие развития капитализма уже подорвана и что гибель ее близка.

Такой вывод из письма К. Маркса должны были сделать прежде всего те, которые поставили перед ним вопрос о судьбах капитализма в России и поняли, что революция в России не так близка, как это казалось им раньше. Дальнейшая идейная эволюция Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и их товарищей показывает, что из письма К. Маркса от 8 марта 1881 г., как и из его и Энгельса предисловия к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» будущие члены группы «Освобождение труда» сделали верные выводы.

**2. ОБРАЗОВАНИЕ ГРУППЫ. КНИГА Г. В. ПЛЕХАНОВА
«СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА».
ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ИЗДАНИЕ ТРУДОВ
К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА**

Свою работу над переводом «Манифеста Коммунистической партии» Плеханов рассматривал как начало систематической пропаганды учения К. Маркса и Ф. Энгельса среди русских революционеров.

С весны 1882 г. он все более решительно становится на позиции марксизма, увлекая за собой своих товарищей.

Во второй половине марта 1882 г., отклоняя в письме к П. Л. Лаврову его предложение войти в состав редакции «Вестника Народной воли», Плеханов намеренно не смягчал своих разногласий с народовольцами. «Вы знаете мой образ мыслей,— писал Плеханов Лаврову,— могу Вас уверить, что он не переменялся с того времени, как я оставил Париж. Если мы не оттеняем, не указываем на свои разногласия в письме, то это объясняется тем, что мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть «народовольчество» на надлежащую дорогу. Но всякая надежда неразрывно связана с большим или меньшим количеством шансов неудачи. В случае неудачи с нашей стороны, нам придется снова стать в оппозицию: удобно ли это будет для меня, как редактора «Вестн. Народ. воли»? Затем